

Во дни юности.

(Чѣмъ я обязанъ митрополиту Антонію).

Въ виду исполнившагося 50-лѣтія священства Владыки митрополита Антонія мнѣ особенно живо вспоминаются тѣ незабвенные и дорогіе для меня годы, которые я провелъ въ Московской Духовной Академіи, когда ректоромъ ея былъ Владыка Антоній, а инспекторами — сперва Архим. Григорій (Борисоглѣбскій), потомъ іеромонахъ Кирилль (Лопатинъ) и архим. Сергій Страгородскій (нынѣ митрополитъ Московскій).

Самъ я родился и выросъ въ небогатой, религіозной, строго православной купеческой семьѣ одного изъ маленькихъ уѣздныхъ городковъ южной Россіи.

Въ раннемъ дѣтствѣ я былъ мальчикомъ религіознымъ, любилъ церковь, церковныя пѣнопѣнія, любилъ читать житія святыхъ и акаѣсты.

Пятнадцати лѣтъ я покинулъ родной городъ и родную семью, чтобы закончить свое гимназическое образованіе. Въ новой обстановкѣ, среди новыхъ товарищей, въ новой средѣ, гдѣ все церковное не было уже любимымъ и необходимымъ элементомъ духовной жизни, и казалось лишь внѣшнимъ и тягостнымъ бременемъ, я, мало по малу, въ теченіе четырехъ лѣтъ, и самъ сдѣлался совершенно равнодушнымъ ко всему церковному. Другіе интересы овладѣли мною, другія понятія сложились въ душѣ. По окончаніи гимназіи я поступилъ въ Московскій университетъ, на медицинскій факультетъ, и совершенно отошелъ отъ религіозной жизни и религіозныхъ интересовъ.

Я не былъ атеистомъ, даже любилъ иногда по старой памяти зайти вечеромъ подъ праздникъ въ церковь, послушать хорошее церковное пѣніе, постоять въ темномъ уголкѣ при тихомъ мерцаніи лампадокъ. Но религіозной жизни во мнѣ не было: я не молился, не говѣлъ, не причащался.

По своему міровоззрѣнію я былъ позитивистомъ. Великую попытку проникнуть въ смыслъ жизни глубже позитивизма я насмѣшливо называлъ „туманной философій“, „метафизикой“. Такъ прошли три года моей жизни въ Московскомъ Университетѣ.

И мало по малу я сталъ все сильнѣе и сильнѣе ощущать въ своей душѣ щемящую тоску. Появилось чувство пустоты. Позитивизмъ пересталъ удовлетворять. Необходимо было замѣнить его чѣмъ-то другимъ, болѣе глубокимъ, болѣе содержательнымъ, болѣе значительнымъ. Когда я переживалъ такое состояніе, тоскливое до мысли о самоубійствѣ, переживалъ чувство глубокаго отвращенія и презрѣнія къ самому себѣ за всякія свои гадости, мнѣ сталъ понемногу мерцать свѣтъ изъ разныхъ источниковъ. Огромное вліяніе имѣла на меня красота

и тишина природы во время моих лѣтних поѣздокъ въ Крымъ, гдѣ жила моя родная сестра.

Когда я съ балкона Георгіевскаго монастыря смотрѣлъ на безпредѣльное зеленовато-синее море, сливавшееся съ голубымъ небомъ въ одинъ необъятный шаръ, въ центрѣ котораго стоялъ я, и когда я слушалъ далеко внизу шумъ морского прибоя, мнѣ начиналъ чувствоваться въ мірѣ Богъ. Въ глубочайшей основѣ міра я начиналъ прозрѣвать Вѣчную Красоту и Вѣчный Разумъ. И это наполняло смысломъ мою собственную жизнь.

Большое вліяніе имѣла на меня „Исповѣдь“ Л. Н. Толстого, которая освѣтила мнѣ меня самого. Много во мнѣ было тождественно съ тѣмъ, что писалъ о себѣ Толстой.

Постепенно переходя съ позитивнаго міровоззрѣнія на религиозное, я сталъ интересоваться философскою и религиозною литературою. Каждый день я аккуратно посѣщалъ бібліотеку Румянцевскаго Музея, изучалъ интересовавшія меня книги.

Я былъ не одинъ. У меня были друзья, интересовавшіеся одними со мною вопросами. У насъ былъ кружокъ, мы вмѣстѣ читали, дѣлали доклады, посѣщали другіе кружки и извѣстныхъ въ наше время профессоровъ и ученыхъ. Мы бывали у проф. Н. Я. Грота, у Влад. Серг. Соловьева и др. Наконецъ, среди насъ появился слухъ о какомъ-то, существующемъ въ Петербургѣ, очень интересномъ молодомъ іеромонахѣ Антоніи, пишущемъ интересные статьи въ религиозно-философскихъ журналахъ. Одна изъ этихъ статей, написанная, если не ошибаюсь, по поводу доклада Влад. Сер. Соловьева „Средневѣковое міровоззрѣніе“, и носившая заглавіе: „Какъ относится служеніе общественному благу къ личному душеспасенію“ произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, причемъ меня особенно тронуло то, что авторъ нигдѣ не говоритъ просто „Иисусъ Христосъ“, какъ принято было между нами, а всегда „Господь Іисусъ Христосъ“. Отъ этой его манеры на меня повѣяло подлинною церковною благоговиситанностью, которой у насъ самихъ не было.

Въ это время я уже ушелъ съ медицинскаго факультета, я перешелъ на историко-филологическій, — не потому, что разочаровался въ медицину, а потому, что мнѣ было не до нея. Я не могъ спокойно слушать лекцій о составѣ крови, объ обменѣ веществъ, о лейкоцитахъ и фагоцитахъ, когда у меня еще не былъ разрѣшенъ вопросъ о смыслѣ моей собственной жизни.

И вотъ въ этомъ году, это былъ 91-й годъ, я въ первый разъ почувствовалъ потребность пойти на исповѣдь, почувствовалъ, что только исповѣдь и причащеніе св. Таинъ помогутъ мнѣ сбросить съ себя всю тяжесть моихъ мыслей и дѣлъ, и обновиться. И дѣйствительно, исповѣдь и принятіе

св. Таинъ помогли мнѣ почувствовать въ **себѣ новую духовную жизнь**.

Лѣтомъ того же года мы, группа изъ четырехъ студентовъ, ходили пѣшкомъ изъ Москвы въ Кіевъ.

Это путешествіе имѣло для меня то значеніе, что натолкнуло меня на мой настоящій путь.

Въ Кіевѣ, совершенно неожиданно, я увидѣлъ въ **витринѣ** книжнаго магазина брошюру, носившую названіе: „Программа Духовныхъ Академій“. Прочитавъ это названіе, я почувствовалъ внутри себя какъ бы толчекъ, и во мнѣ загорѣлось желаніе поступить въ Духовную Академію и изучать Богословскія науки.

Осенью 91 года я явился въ канцелярію Московской Духовной Академіи (въ Троице-Сергіевской Лаврѣ), и спросилъ секретаря, что требуется для поступленія въ Академію? Онъ посмотрѣлъ на меня и отвѣтилъ: „Требуется выдержать очень серьезный вступительный экзаменъ, котораго Вы, какъ человѣкъ со свѣтскимъ образованіемъ, выдержать не можете.“ Я поклонился и вышелъ. Моя мечта рушилась. Но чему нужно было быть, того не миновать. Потерявъ надежду поступить въ Духовную Академію, я не зналъ, что мнѣ дѣлать съ собою. Промучившись до весны, я рѣшилъ написать письмо **архимандриту** Антонію, который въ это время былъ уже ректоромъ Московской Духовной Академіи; описавъ всѣ свои переживанія, я просилъ его посовѣтовать мнѣ, **что мнѣ дѣлать**.

Черезъ два дня я получилъ отъ него отвѣтъ въ конвертѣ съ красною сургучною печатью, на которой вытѣснены были Крестъ и Евангеліе съ надписью по краю „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ.“ Какъ памятна и дорога эта печать многимъ бывшимъ питомцамъ Московской Духовной Академіи, ученикамъ Владыки Антонія!

Съ радостнымъ волненіемъ я вскрылъ конвертъ и прочиталъ: „Другъ! Изъ Вашего письма видно, что Вамъ нужно продолжать образованіе. Пріѣзжайте для личнаго разговора.“ Этотъ отвѣтъ рѣшилъ всю мою будущую судьбу, весь мой будущій жизненный путь.

Я пріѣхалъ въ Лавру, помолился преп. Сергію, и прошелъ въ ректорскіе покои, бывшіе когда-то покои Императрицы Елизаветы Петровны. Черезъ минуту ко мнѣ вышелъ ректоръ Московской Духовной Академіи, архимандритъ Антоній. Онъ былъ невысокаго роста, въ черномъ подрясникѣ съ кожанымъ поясомъ, молодой, съ красивыми крупными чертами лица, съ свѣтлыми, сѣро-голубыми глазами, съ большимъ лбомъ, большою лысѣющею головою, и широкою окладистою рыжею бородою, которую онъ постоянно разглаживалъ большою бѣлою рукою.

Онъ обнялъ меня одною рукою, и мы стали говорить, разгуливая по залѣ. Отъ него вѣяло такою простотою и привѣтливостію, что я чувствовалъ въ немъ скорѣе товарища — студента, чѣмъ начальника Высшаго Духовнаго Учебнаго Заведенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ не чувствовать въ немъ его огромнаго духовнаго превосходства, передъ которымъ я являлся жалкимъ мальчикомъ, и блѣдный цвѣтъ его лица говорилъ мнѣ о его несомнѣнной большой внутренней борьбѣ. Я какъ-то сразу прилѣпился къ нему всею душою. Узнавъ, что и въ прошломъ году я дѣлалъ неудачную попытку поступить въ академію, онъ сказалъ, что я напрасно не обратился тогда прямо къ нему, и посоветовалъ мнѣ готовиться къ экзамену предстоящею осенью. Я сказалъ, какъ же я поступлю въ академію, когда у меня не разрѣшены еще многіе религіозные вопросы, когда у меня еще много всякихъ сомнѣній и недоумѣній? Онъ отвѣтилъ: „Всѣ эти вопросы и сомнѣнія и недоумѣнія Вы разрѣшите, когда поступите въ Академію.“ Онъ написалъ записку и послалъ своего келейника въ академическую бібліотеку, откуда тотъ и принесъ мнѣ книги, необходимыя для подготовки къ экзамену — Догматическое Богословіе м. Макарія, Основное Богословіе Еп. Августина, Исторію Церкви — Евграфа Смирнова и др. Получивъ книги, я простился съ ректоромъ и, счастливый, уѣхалъ въ Москву.

Осенью я благополучно выдержалъ экзаменъ и сдѣлался студентомъ Московской Духовной Академіи. Я поступилъ въ Академію въ тотъ годъ, когда торжественно праздновалось 500-лѣтіе со дня блаженной кончины преп. Сергія Радонежскаго. Я видѣлъ большое собраніе русскихъ Архипастырей во главѣ съ митрополитомъ Іоанніемъ, слышалъ знаменитую рѣчь В. О. Ключевскаго о преп. Сергіи, какъ духовномъ воспитателѣ Русскаго народа.

„Вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ сейчасъ Троицкій Соборъ, говорилъ Ключевскій, показывая рукою въ окно, поставилъ преподобный свой деревянный храмъ во имя Пресвятыя Троицы.“ И отъ этихъ словъ всѣ почувствовали съ особенною живостію и святостію мѣста, и близостію къ намъ преп. Сергія.

Сейчасъ не мѣсто описывать всѣ тѣ новыя, глубокія и радостныя впечатлѣнія, какія мнѣ пришлось пережить въ Академіи и въ Лаврѣ. Слушая лекціи профессоровъ — Муретова, Голубинскаго, Введенскаго и др., посѣщая почти ежедневно Троицкій Соборъ и молясь у раки преп. Сергія вмѣстѣ съ непрерывнымъ потокомъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи; или присутствуя въ два часа ночи по субботамъ въ часовнѣ на мѣстѣ стоявшей здѣсь келліи преподобнаго на молебнѣ Божіей

Матери, или путешествуя по окрестнымъ скитамъ и монастырямъ — въ Геосиманію, къ Черниговской Божіей Матери, въ Виенанію, въ Параклитъ, или посѣщая старца Варнаву и духовника Геосиманіи — о. Германа, въ послѣдствіи настоятеля Зосимовой Пустыни, у котораго мы бывали почти каждое воскресенье съ моимъ другомъ, Иваномъ Васильевичемъ Успенскимъ, нынѣ архіеп. Фаддеемъ.

Въ Геосиманскомъ скиту я имѣлъ счастье въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ моего пребыванія въ Академіи проводить первую Седмицу Великаго Поста. Говорить обо всемъ этомъ подробно было бы слишкомъ долго и утомительно, и потому я снова возвращаюсь къ своимъ воспоминаніямъ о Владыкѣ Антоніи.

Владыка Антоній былъ духовнымъ центромъ нашего академическаго міра. Не только мы, свѣтскіе, но и тѣ, кто окончили духовную семинарію, люди, болѣе насъ, можетъ быть, серьезные и глубокіе, тянулись къ о. Антонію. Онъ умѣлъ какъ-то близко подойти къ каждому изъ насъ, и всѣхъ объединить около себя. Мы жили, согрѣтые его любовью и ласкою. Онъ, впервые, можетъ быть, для многихъ изъ насъ раскрылъ намъ смыслъ православнаго пастырства, какъ любовнаго и самоотверженнаго пріятія въ свою душу своей паствы, переживанія съ нею вмѣстѣ всѣхъ ея горестей и радостей, всѣхъ испытаній, искушеній и паденій своихъ духовныхъ чадъ, и ихъ духовнаго возрожденія и возстанія силою сострадательной пастырской любви и молитвы. Въ себѣ самомъ онъ показалъ намъ живой и искренній образъ подлиннаго русскаго православнаго пастыря.

Съ непоколебимымъ довѣріемъ къ нему, и имъ вдохновляемые, мы съ радостью и съ яснымъ пониманіемъ своего долга готовились принимать на себя высокое и отвѣтственное служеніе пастыря, а иные изъ насъ и монашеское званіе. Мы знали и его недостатки, и его слабости, мы не закрывали на нихъ глаза, сердились на него, и въ то же время его образъ оставался для насъ неизмѣнно свѣтлымъ и незапятнаннымъ. Свидѣтельствомъ горячей дѣтской привязанности къ нему студентовъ можетъ служить тотъ фактъ, что, когда, послѣ перевода его отъ насъ въ Казанскую Академію, мы въ первый разъ праздновали нашъ Академическій праздникъ — Покрова Божіей Матери, студенты, посылая ему привѣтственную телеграмму въ Казань, подписались „мы попрежнему Ваши дѣти.“ Съ его отъѣздомъ Академія осиротѣла. Отъ нея какъ бы отлетѣлъ духъ, тотъ духъ, который cadaго изъ студентовъ нравственно поднималъ и оживлялъ. Въ этомъ его вдохновляющемъ вліяніи на души студенческой молодежи, и въ томъ, что онъ увлекательно и правдиво указывалъ ей высокое значеніе пастырскаго слу-

женія, и привлекалъ ее къ этому служенію — заключается его огромная заслуга передъ Русскою Церковью, какъ ректора Духовной Академіи. И эта заслуга никогда не должна быть забыта или умалена.*)

Лично для меня Владыка Антоній имѣлъ и имѣеть то незабвенное значеніе, что онъ вывелъ меня изъ того нравственнаго тупика, въ которомъ я очутился въ мои университетскіе студенческіе годы, и открылъ мнѣ тотъ новый жизненный путь, на которомъ я нашелъ полное нравственное удовлетвореніе. Ему я обязанъ своимъ духовнымъ возрожденіемъ. Вотъ уже сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я окончилъ Духовную Академію и вступилъ на путь священства, указанный мнѣ Владыкою Антоніемъ, и никогда, за все эти долгіе годы, не явилось у меня и тѣни сожалѣнія о томъ, что я отдалъ свою жизнь и свои силы Служенію Христовой Церкви, и я съ глубокимъ благодарнымъ чувствомъ къ Богу могу только повторить послѣднія предсмертныя слова св. Іоанна Златоуста: „Слава Богу за все!“

И этимъ своимъ счастьемъ я обязанъ Владыкѣ Антонію!

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

1935. 4. IX.

Пюхтицкій монастырь
въ Эстоніи.

Новый этапъ.

Прошло двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникло наше Движеніе. Мы пережили за эти годы много существенныхъ и глубокихъ перемѣнъ, прошли нѣсколько знаменательныхъ этаповъ въ развитіи Движенія, — да и сейчасъ находимся въ разгарѣ напряженныхъ исканій, въ извѣстной растерянности, которая требуетъ творческаго преодоленія. Въ Движеніи нашемъ было, быть можетъ слишкомъ много разныхъ сдвиговъ и кризисовъ, слишкомъ легко возникали и возникаютъ новыя начинанія и упрямыя исканія новыхъ путей; вообще оно все еще не отлилось въ „окончательныя“ формы. Кое кого среди насъ это поражаетъ и смущаетъ, а съ другой стороны — всѣ эти

---

*) Вліяніе Владыки Антонія на Академическую молодежь было до такой степени плодотворно, что вельзя не пожалѣть о его послѣдующемъ перемѣщеніи на епархію. Ему слѣдовало бы до конца жизни оставаться въ Академіи воспитателемъ молодежи, что не помѣшало бы ему быть и Епископомъ и Архіепископомъ и Митрополитомъ.